

Мелиорацию принято считать чисто мужским занятием. Непростое, трудное дело. И все же сегодня все больше женщин выбирает эту профессию. И, наверное, не случайно. Словно сестры милосердия, залечивают они раны земли.

Именно это привело в мелиорацию Елену Юдину. Она делегат XX съезда ВЛКСМ, мастер передвижной механизированной колонны объединения «Мосмелиорация». Фото Ю. ФЕКЛИСТОВА.

Космос правды — 1987 — 7 июня
ЛЮДИ РЕВОЛЮЦИИ

Это было в те времена, когда творчество мужало быстро и гордились своей стремительностью. Маяковский провозглашал: «Наш бог — бег!»

В начале 20-х годов Леонов работал в газете «Красный воин» Московского военного округа. Ему чуть больше двадцати. Работал легко, расторопно. Любый жанр по душе: статьи, фельетоны, стихи...

Был у него даже свой озорной репортерский псевдоним: Васька Лапоть. «Парнишка приятный и всеми нами любимый», — записал в свой дневник Дмитрий Андреевич Фурманов.

Бегут дни, и незаметно, как бегут. Этот Васька Лапоть вдруг куда-то исчез, канул, как камень в омут. Ну исчез и исчез. Может, где-то учится. Молодой, ищущий. Не пропадет. Как-то Фурманов увлек рассказ со странным названием: «Бурыга». И странным началом: «В Испании испанский граф жил. И было у него два сына: Рудольф и Ваня. Рудольфу десять лет, а Ване еще меньше».

Фурманов посмеялся ловкой, удалой выдумке автора. Сюжет вьется заманчиво, невероятно и звонко. Ну, скажем, так: «Ранними утрами поет там лес песню, а над ним идут, идут, идут алые облака, клубятся, сталкиваются: то не ледоход небесный — то земные радости плывут».

Дмитрий Андреевич взглянул на фамилию автора рассказа: Леонид Леонов. Надо бы познакомиться. Но все как-то недосуг. А Леонов пишет рассказ за рассказом, повесть за повестью, и словно закинул в глубины жизни «заколдованную сеть» из слов метких, певучих, задушевных. Знаменит уже! Наконец-то пришел к Фурманову. Тот взглянул на знаменитость и засиял от радости: вот это новость, вот так Васька Лапоть! Неужели это и есть Леонов? Как же он мог не знать?!

А еще раньше: видел молодой Леонов такую круговерть, такие взлеты и крушения человеческих жизней, которых не знали трагедии древних. На далекой гражданской войне был он даже среди участников штурма Перекопа и мог видеть Михаила Фрунзе, идущего в цепи атакующих. И сам быть в этой цепи. ...Перед самым штурмом Леонид Леонов назначили редактором дивизионной газеты. А это так произошло. Литературный работник газеты Леонов не спал всю ночь, сочиняя боевые стихотворные лозунги:

Генералов песня спета,
Бьем барона прямо в лоб,
Знамя Красное Советов
Понесем за Перекоп...

Написал, сдал редактору, а тот вместо стихов опубликовал прозу: «Красноармеец! Врангель хочет посмотреть силу твоего оружия. Покажи его». Тогда Леонов и пошел к начальнику политотдела дивизии Александровне Янышевой, соратнице Ворошилова и Бухарина (это она во главе нескольких штурмового отряда шла

через холодный Сиваш). Сказал, что работать вместе с редактором не может. «Это почему же?» — спросила Янышева. «А у нас с ним разные школы». Она рассмеялась, причина разногласий, наверное, показалась ей странной, но в своем выборе Янышева не ошиблась: редактором стал юный поэт Леонид Леонов...

В редакции его называли комиссаром.

— Ну, газету уважали, — как-то рассказывал Леонов комсомольским литераторам. — Приходим в Джанкой

«предугадать». В том — сила искусства, его неповторимости. Новаторство, наконец.

Но, пожалуй, ничто так не волнует писателя, как завтрашний день страны, — его духовный облик, человеческое лицо. Каким ему быть? Вот характерный разговор Леонова с одним литератором-фронтовиком. Тот сказал Леониду Максимовичу, что не верит в бога и не знает, как себя чувствует верующий.

— А во что вы верите? И верите ли во что? — Леонов смотрит цепко, чуть прищурив глаза.

Лес Леонида Леонова

поздним вечером. Изба полна богатырей. Храп, темнота, пахнет конским потом, тютюном, засохшей кровью. Я нащупал свободное место, лег. Вдруг спичка у глаз: «Это мое место! Я из штаба. А ты кто такой?» «Редактор дивизионной газеты», — отвечаю я. Попятился. Вот так газеты боялись.

А потом жизнь писателя — упорный, крутой труд, стремление к какому-то высшему, уплотненному результату.

Как он работает? По-моему, лучше всего Леонов сказал об этом в письме к своему другу, грузинскому поэту Тициану Табидзе: «Не сердитесь на меня за молчание, ибо в период работы я обычно совсем выключаюсь из жизни, покрываюсь плесенью и пауками, птицы свивают гнезда в голове моей, друзья мои плюют на меня, и правильно делают».

Знаю: менее всего можно представить Леонова коллекционером жалоб. Но и никаких уступок кому бы то ни было, когда речь шла о правде, совести, он не делал. Никаких. Леониду Леонову не надо каяться в грехах, не надо исправлять себя. С душевной одержимостью, с отвагой и горечью он говорил людям о силе разума, когда разум был изранен, истерзан войной, о красоте, когда она в любой миг могла разлететься вдребезги, о смысле бытия, когда оно дымит не предсказуемым безумством...

Еще совсем молодым Леонов выразил суть своих творческих принципов четко, афористично и, думаю, поучительно.

Леонид Максимович Леонов говорит так: «Писатель нашего времени обязан угадывать явления, прежде чем зафиксирует статуправление, ставить многие проблемы раньше, чем их поставит наука. Самая специфика писательского взаимоотношения с миром в том и должна выражаться, чтобы наперед, хотя бы силуэтно, предугадать исход событий...». Только так:

— Верю. В коммунизм.
— А что такое коммунизм? Не по-ученому, это я знаю. Что такое коммунизм лично ваш, как вы его представляете?

— Коммунизм, который прошел через меня и понятный мной? — спрашивает собеседник.

— Да, именно.

— Это полная открытость людей друг перед другом. Когда людям нечего будет скрывать друг от друга. Ни своих поступков, ни мыслей.

— И мыслей?

— Да, и мыслей. Коммунизм — это в основном для души, для духовного здоровья человека.

Леонов задумывается, потом говорит:

— Я ведь пишу новую большую книгу. И думаю о коммунизме.

Мысль Леонова не знает страха, когда отстаивает правое дело. Кому-то она казалась, да и кажется, наверное, слишком резкой, неистовой, «путаной» даже. Любителей прописных истин пугает философский драматизм леоновской прозы, где на цвет жизни то и дело ложатся тени и мрак земных человеческих катастроф: «Куда ведешь ты, спираль познания?»

Владимир Алексеевич Чивилихин записал в свой дневник несколько суждений Леонова. Они высказаны давно, но какой упругой, непокорной, дерзкой предстает и сегодня писательская мысль.

— О лесе надо говорить так много, сколько он места занимает на земле...

— Люди держали экзаме́н на бога, а выдержали на обезьяну... (о людях-разрушителях)

— Отавление рек, безрассудная вырубка лесов, истощение почв — все это малочеловеческие поступки...

— Мы нуждаемся в трезвых умах и больших сердцах, потому что мы оставляем нашим детям заманированную планету...

(Окончание на 2-й стр.)

(Окончание. Начало на 1-й стр.).

«Лось пил воду из ручья. Ручей звонко бежал сквозь тишину. Была насыщена она радостью, как оправдавшаяся надежда. Стоя на раскинутых ногах, лось растерянно слушал свое сердце. С его влажных пугливых губ падали капли в ручей, рождая причудливые круги по воде».

Теперь, издали, нам видно, что ощущается и некоторая декларативность в последней фразе романа о том, «...что изменялся лик Соти, и люди переменялись на ней». Как убедят в том новые романы, повести, пьесы самого Леонова, вызревание глубинных внутренних перемен не знает кратких сроков. Здесь будут не только взлеты всенародной, мировой значимости, но и жестокие поражения и ошибки.

А слова «...лось растерянно слушал свое сердце» не растают, не исчезнут в душе писателя, все более и более приближая его к заветному замыслу, к своей, может быть, главной книге — роману «Русский лес».

Современниками Леонова были такие мастера, как Ми-

Подлинным открытием автора «Русского леса» стал образ Грацианского. Кто он? Очень и сегодня узнаваемая личность, а может быть, тип. Демагог, ловко играющий в бдительность и принципиальность.

Двуликий человек — та поросль мещанства, которая, по мнению Леонова, «хитра, мнимопримчива и мстительна» и может брать на себя даже роль «перста указующего».

Бойкий, самовлюбленный петух, клюющий зерна научной истины, добытчиком которых предстает в романе Иван Матвеевич Вихров.

Наконец, опасный социальный тип, очень живучий, неуловимый, липкий, способный исполнить любой «заказ» начальства. «Грацианщина» — теперь говорим мы. Она не раз торжествовала в прошлом. Истязала Зубра из одноименного документального повествования Даниила Градина, рыскала в поисках крамолы, лихорадочно множила человеческие страдания в «Белых одеждах» Владимира Дудинцева...

Вся сложность бытия у таких «персонажей» сведена к корыстной, извращенной «де-

ем. Но ведь спустя несколько лет...

Леонов — многие годы председатель редакционной коллегии Полного собрания сочинений А. М. Горького. Вышло двадцать пять томов художественных произведений. В редакционной коллегии — люди высокой культуры, настоящие писатели и ученые. Они могут объяснить, дать внятный комментарий каждой горьковской строке, спорной и бесспорной. Издание застопорилось на несколько лет у входа в горьковскую публицистику. Почему? На то, наверное, немало причин. А одна из них была и вот эта: не хотелось кому-то — не знаю кому — публиковать всего, полного Горького. Известно, что и Горький тоже ошибался, известно также, что он никогда не делал вида, будто этих ошибок не было, не вычеркивал их из своих биографий. Тем более обидно в наследии Горького наткнуться на белые пятна и вакуум.

Разве это дело в стране Горького узнавать о Горьком из вторых уст? Разве он, Леонов, не убеждал, и не раз, что так поступать неприлично? Но как о стенку...

Речь и вот о чем. Михаил Шатров опубликовал в «Новом мире» новую пьесу «Брестский мир». Среди действующих лиц пьесы — Горький. Нет сомнения в том, что для многих читателей шатровский Горький предстает неожиданно странным. Пролетарский писатель бросает всяческие обвинения большевикам. Он говорит: «Господа-большевики...» и так далее.

Менее всего я хочу винить драматурга. Он работает, как всегда, добросовестно. Опирается на некоторые горьковские суждения из тех лет, в том числе из статей «Несовременные мысли». Они публиковались в 1917 году и начале 1918 года в газете «Новая жизнь». Все так. Но сегодня никто, кроме специалистов, их не знает, они не переиздавались даже в научных, архивных сборниках. Вот и предстал Горький в пьесе «цитапно», отрывочно. Вскоре пьеса разойдется по театрам спектаклями. Думаю, удачными. И все-таки жалко, что встреча зрителя с ошибающимся Горьким ограничится на уровне узнавания — голосом новой, неизвестной информации. Повторяю, неполной. Парадоксы гласности!

Словом, Горького — и не только его — лучше узнавать не со сцены, а из его книг. Знать также, что при жизни Ленина Горький, порою споря с ним («резко, не шадя его»), в то же время бесконечно ценил вождя большевиков и переживал, боялся, что их погубит «взбаламученная» российская стихия. Строки из горьковских писем:

«Разве Вы не знали, что я и раньше говорил, писал о Ленине, как о величайшем человеке мира? Я имел основания говорить так, потому что давно и хорошо знал его». И еще: «Я знаю, что он любил людей, а не идеи, вы знаете, как ломал и гнул он идеи, когда этого требовали интересы народа».

Как ни жалко, но вокруг таких имен, как Горький, Фадеев, Леонов, немало нелепых слухов, домыслов, суетни. То там, то здесь зашуршат разговоры о каких-то компромиссах, на которые якобы они шли. При этом факты об их неискренности вычеркиваются, затемняются. Всякая недоговоренность только на руку обывателю. Всякое умалчивание об их сложном и целеустремленном пути только во вред. Все меньше писателей, вышедших, говоря леоновскими словами, «из широкого горьковского рукава». Они-то, как убедило время, подлинны создатели социалистической культуры. С ними, в их сложных революционных судьбах, — Правда. Но как же мало дорожили и ценили мы их, хватаясь за любой промах, раздувая любую ошибку. Осуждали их, а потом умалчивали, делали вид, что их, ошибок, не было... Но самое интересное, что эти ошибки были и предостерожей новых открытий.

Один подросток (об этом рассказал литературовед Евгений Осетров) прислал Леониду Максимовичу горестное письмо о своем тяжелом детстве, еще более жестокое отрочество в семье, дома, на улице. Это было письмо, полное неверия в то, что в жизни существуют доброта и правда. Оно поразило писателя искренностью и разумностью. Он принимает все меры, чтобы жизнь юноши устроилась. И еще больше. В письме к нему вот с какой серьезной философской мудростью убеждал юношу в том, что как раз именно он, столько переживший, может вырасти в стойкого, непобедимого человека:

«Человеку, который хорошо узнал, что такое зло, гораздо виднее, что называется добром и как важно для человека к нему стремиться. Словом, я хотел бы верить, что Вы приложите все усилия, на какие способен умный, энергичный человек, чтобы стать впоследствии не жертвой, а победителем жизни...».

Завидую тем, кто только завтра придет в библиотеку и попросит почитать «что-нибудь из Леонова». Я бы начал с ранней повести «Белая ночь», потом прочел «Евгения Ивановича» и открыл бы «Русский лес». Ну а дальше никакой совет не нужен. Леонов станет вашим писателем. Дорогим человеком.

Иван ЖУКОВ.

Лес Леонида Леонова

хаил Пришвин и Константин Паустовский. Читаешь Пришвина и будто плывешь в лодке извилинами чистой, тихой речки. Лодка то и дело причаливает к берегу, чтобы мудрый, добрый, очарованный странник, одержимый знаток и философ природы, вошел в лес, услышал и рассказал о том, как живут и дышат в нем травы, деревья и сам человек...

Константин Паустовский больше всего любил заманивать читателя на острова таинственной, романтической красоты среднерусских возвышенностей и равнин. И даже теперь, в наши дни, неприлично ехать, к примеру, в Мещерскую сторону без «компас» Паустовского.

Однако никогда еще жизнь природы не сближалась так тесно с человеческой историей, как это случилось в романе Леонова. Лес таит в себе, по Леонову, лучшие человеческие достоинства, как бы переливая в душу людей красоту и силу.

Книгу читали, о ней горячо спорили. Тогда уже, в пятидесятых. Но «звездный час» романа был еще впереди. Пока же она оставалась «в одиночестве». Писательские взгляды скользили вдоль проблем, мучивших Леонова. И только лет десять — пятнадцать назад они, проблемы, стали всерьез общелитературными: отзовутся суровой, горячей мудростью «Царь-рыба» Виктора Астафьева, глубокой скорбью «Прошания с Матерой» и «Пожара» Валентина Распутина, смертельно раненой сказкой в повести «Белый пароход» и в «Плахе» Чингиза Айтматова, необычным упорством в борьбе против необдуманных «поворотов» северных рек в публицистике Сергея Залыгина... Целая библиотека, ключ от которой в руках у Леонова.

Вслед за «Русским лесом» была написана Леонидом Леоновым и пьеса «Золотая карета», до сих пор так и не прочитанная серьезно в театрах. А между тем это одна из самых выразительных леоновских пьес.

«В новое общество можно въехать на «Золотой карете» труда, честности, человечности и самопожертвования», — формулировал Фадеев идею пьесы в одном из писем к своему товарищу, — а не на «Золотой карете» стяжательства, индивидуализма и «небожительского» чистоплотства как тоже формы потребительского отношения к жизни». Это ли не современная проблематика, тем более что выражена она через разнородные характеры, реальные конфликты, подлинные страсти.

Напряженный драматизм леоновского мышления есть не что иное, как сильное и верное отражение взлетов и катастроф нашей клокочущей планеты, когда «человечество движется вперед с миной на шее».

Эмоциональный разум писателя прочно укоренился в эпицентре бытия: «Я не верю в одиночные понятия: гармония, счастье, — говорил он в одной из бесед, — как всегда накаляя свою мысль разрадами противоречий. — В них я вижу шантаж, я их боюсь. Гармония живет только тогда, когда есть дисгармония. Не конфета лепит человеческий характер, а переживание; страдание делает человека...».

И он же, Леонов, дал своеобразную формулу человеческого счастья, выразив ее словами солдата-сироты из пьесы «Золотая карета»: «Человеку не надо дворцов в сто комнат и апельсиновых рощ у моря. Ни славы, ни почтения от рабов ему не надо. Человеку надо, чтоб прийти домой... а смотреть в окно ему на встречу сморит, и жена режет черныш хлеб счастья. Потому они сидят, слетя руки, трое. И свет из них падает на деревянный некрашеный стол. И на небо».

ловой» игре. Надо еще раз читать, перечитывать роман и знать все повадки грацианщины. Знать, чтобы вовремя стать на пути, не быть застигнутым врасплох, быть готовым к борьбе со злом. Возможно ли это? Не будем гадать, лучше — жить и действовать. Ясно одно: грацианщина не исчезла.

В характере Ивана Матвеевича Вихрова узнаются черты характера самого писателя. Вихров терпелив. Он знает, что у правды и страдания может быть один и тот же адрес. В спорах он терпелив, настолько очевидными кажутся ему те истины, которые он выстрадал, понял и которые почему-то надо защищать. Но он же готов пренебречь любыми неудобствами, принять любые лишения, когда речь идет о главном — деле жизни.

И лишь на краю отчаяния просит помощи. И, как бывает, по своей простоте, не у того человека. Помните: Вихров приходит на дачу к Чердилову, товарищу студенческих лет. Он не знает, что ныне это всего лишь заурядный, ведомственный бюрократ, друг Грацианского, пропитанный невежеством, чванством, ложью. Чердилов не приглашает бывшего товарища в дом и взирает на профессора Вихрова с дачной веранды. Слышно, как за спиной Чердилова позвякивает самодовольное, не по заслугам, благополучие.

Иван Матвеевич Вихров стоит, задрал голову, в предгрозовом духоте, доказывая свою правду: «Смысл моих знаний, я полагаю, в том, чтоб содержать в порядке лес и сигнализировать народу о всех изменениях в его состоянии».

Леонов с таким мастерством выписывает эту сцену, что мы видим только Вихрова, причем во весь рост, с предельной ясностью, крупным планом, а сумеречный Чердилов выкрикивает свои угрозы, словно из потаенного гнезда.

Вихров договаривает последние слова в этом споре уже под проливным дождем и уходит как человек, достойно исполнивший свой долг.

Написал я так и подумал: долг — долг, совесть Вихрова чиста, но Чердилов остался на веранде, так сказать, на высоте положения. Дожил до наших дней. И не только в науке о лесах.

А сколько «чередиловых» омрачало жизнь и труд Леонова? Вот собрались в редакционной коллегии журнала «Красная новь» Александр Фадеев, Леонид Леонов, Всеволод Иванов. «Серьезные, грамотные люди», — радуется Горький. Это февраль 1931 года. Подписан первый совместный номер журнала. В нем напечатана и повесть-хроника Андрея Платонова «Впрок». А наутро — скандал, повесть объявлена «политической ошибкой». Иванов и Леонов — люди беспартийные. В то время жили с именем «попутчики», а значит, им положено что-то «недопонимать». Но Фадеев-то, партиз, как он мог прозевать? Фадеев берет «вину» на себя. Но это еще ровно ничего не значит: ему выносят партийный выговор из-за «ослабления классовой и партийной настороженности».

Это уже второй выговор, первый лично от И. В. Сталина, тоже за А. Платонова. Покаившись, Фадеев по-прежнему печатает рассказы Платонова, в том числе и ставший знаменитым рассказ «Третий сын». И будет бороться за Платонова, пока хватит сил. Но сил не хватит.

Леонов знал все это и по себе.

Не он ли, сегодняшний «Чердилов», на несколько лет «законсервировал» запись беседы писателя Леонида Леонова со студентами? Телепередача, спустя несколько лет, вышла в эфир, став событи-